

Гаянэ Хачатурян

Утром: Шорх фиалки Вечером: Арфовая ночь синего ореха. • 1977 г.

Карнавал Муштаид – шорох Куры (фрагмент). • 1981 г.

Летящая ночь. • 1981 г.

подрывает его всевластие, обретая свободу через выпад против здравого смысла, впадая в целительное безумие. Ее персонализм раскрывается в освобождении от дидактики личного монолога, в растворении в оазисе бескорыстия и бесцельности, которые Владимир Набоков отмечал как “высшую ценность в искусстве”. Композиции Гаянэ, где царствует поэзия “прялок шествующих горожан” и “театра леопардовой струны”, являются как дары придорожных находок близ донельзя исхоженных культур-маршрутов. Они появляются внезапно, распахиваясь бесконечностью отражений, симметрией Зазеркалья, рядами пифагорейских значений и идеальностью платоновских образов.

Художница обладает способностью сочетать внутреннюю инаковость, оппозицию эталонам и ориентациям современного художественного мира с внешним реагированием на веяния современного искусства, быстрым освоением стилевых тенденций современности – трансавангарда и нео-боркко постмодернизма. Мифологемы Гаянэ оживают в коллизиях и эллиптических витках нетождественных возвращений, в автоцитации собственных произведений, в ее путешествиях в ландшафтах истории и времени, рассеивая смыслы в далах разреженных просторов, где стягиваются к горизонту пути земные. Ее живопись наполняется медитациями, молитвами, алхимическими операциями, ворожбой с красками, магическими образами, превращая картину в пространство для выхода в иную реальность. Ее картинный сгусток письма становится подобен не только рукотворному пергаменту, но и самому гео-ландшафту – тексту Земли – естественному палимпсесту с его археологически скрытыми слоями, наносами и залежами надличных свидетельств прошлого. Ее “начертания”, ее названия композиций порождают потоки ассоциаций и обретают силу внушения. “Спящий ангел на грушевом дереве”, “думы о черепахе и медузе”, “прялка огненной карусели”, “Муштаид – шорох Куры”.

Слова, понятия – образы, знаки в пространствах искусства Гаянэ возникают как оклик в ночи, они заклинательны как вещная речь поэта, учреждая скрещения мира земного и магического, тропинок личного артистизма и дорог вселенской мудрости. Творческое поведение художницы – это одновременно и кочевничество, и оседлость культуролога, собирателя и хранителя руин и пирамид, в наитиях и припоминаниях открывающего и дарующего им вторую жизнь, где ангелы и демоны прошлого во-

площуют мистику личного мифа мастера, уходя в будущее за пределы эмпирически исчисленной реальности. Сама наша недавняя история, погружаясь в Лету, в пластике Гаянэ начинает облагораживаться проступанием великой Архаики, наполняясь контекстом сквозной для художницы темы гибели и возрождения цивилизаций, истока и исхода Всего, сберегая еще невыговоренные, а только возможные потенциальные смыслы.

Любой образ Гаянэ содержит в себе возможность обратимости, скрывая в своих внутренних пространствах космологию двичности, поэтику китайской Книги Перемен, проявления воздушно-земных преобразований. Художница переходит из одного сна в другой, более глубокий, падая и возносясь одновременно. Материя Земли открывается для Гаянэ в своих камнях, песках, кристаллах, минералах и металлах; она становится опорой в “геологических” переживаниях художницы, в ее подземных странствиях, наполняясь грезами Орфея. В одно и то же время воздушная материя всплывает в слоях вольного воздуха, а земная преобразуется в тяжелую субстанцию. В тигле творчества, взвешиваясь и обогащаясь, материя ночи постепенно рассеивается, освобождая свои пространства для парения.

Сегодня искусство Гаянэ мерцает множеством значений, которые, вероятно, никогда не будут разгаданы до конца. Оно наполнено будущим и одновременно эсхатологией, скрывая в себе образы магических текстов и оттенки нашей уставшей постмодернистской реальности. Оно пронизано ожиданиями и предчувствиями, составляя уникальный феномен, “парадокс Гаянэ”, возможность существования жизни в условиях, еще не готовых дать эту жизнь, фантастический театр, карнавал вечных метаморфоз любви и искусства, живущий в непосредственной реальности, окружающей нас. Совсем близко, просвечивая в соседних слоях нашего сомнительного бытия, серебрясь одедами шарманщицы, касаясь своим чудотворным дыханием и удаляясь в глубины утраченного детства человечества.

Искусство Гаянэ достигло своей полноты и гармонического равновесия, но его зрелость не теряет великого детского чувства удивления и благоговения перед тайной и чудом. Оно всегда бодрствует, оно всегда в пути, оно все пронизано светом.

Выставка Гаянэ в галерее “Дом Нащокина” продлится до конца апреля.